

АГАТА
САНЛАЙТ

ПЛЕННИЦА
СТРАСТИ

Агата Санлайт
Пленница страсти
Серия «Защитник (Санлайт)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67786695

Пленница страсти:

Аннотация

– Первое. Я возьму за дизайн проект обычную сумму. Не тройную, как вы предлагали. Второе. Вы держите меня в курсе ситуации с теми бандитами. Как только опасность пройдет стороной, я уезжаю из вашего дома и возвращаюсь к себе! Третье. Условия мы прописываем в договоре, заверяем нотариально.

– Да! – Беркут рыкнул, и Аля отклонилась от стола.

– Четвертое. Если после завершения проблем с бандитами я не захочу вас больше видеть, вы не станете меня осаждать букетами и преследовать при помощи сыщиков!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	33
Глава 3	64
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Агата Санлайт

Пленница страсти

Глава 1

Аля

– Девушка, вы ничего не забыли? Не потеряли ничего важного? Может, быть ценного?

Честно говоря, вначале «шутка юмора» прошла мимо меня. Также как я прошла мимо ямы, где копошились с фонариками строители.

Не мудрено! Время перевалило за час ночи. Такси не приехало. И я вынуждена была пешком идти голосовать к трассе... Таща с собой то, что так благополучно «потеряла». Даже ощутила некое облегчение. Пока не поняла, что случилось.

Хохочущие мужики вытаскивали из ямы Ирину. Мою школьную подругу.

Называется – оторвалась! Расслабилась!

Накаченная под завязку коктейлями с крепким спиртным Ирина, только похрюкивала, когда четыре руки, в перчатках и земле медленно выложили ее на край ямы.

– Спасибо...

Только и нашлась я. Было жутко неловко. Я буквально испытывала испанский стыд от того, что подруга так «попала». Удачно попала в земляную яму в состоянии мешка с картошкой.

Мужики, хохоча, вернулись к работе.

– А то может вас проводить? – вдруг послышалось из-под земли.

– Нет. Спасибо.

И тут я была совершенно не права. Как показала практика.

Я опять подхватила Ирину подмышку, заставляя передвигать ногами.

– Ммм... Мы снова идем? – сообразила подруга. Икнула и замолкла.

Я выдохнула перегар, которым она щедро снабдила воздух, и устало двинулась дальше.

Еще немного.

Рядом трасса.

Я уже слышала шелест колес и возмущенные гудки тех, кто сильно спешит и пытается поторопить остальных.

Загородный ночной клуб – совсем не то, что мне нравилось. Но сегодня был железобетонный повод. Я развелась с мужем и временно отправила сына пожить к тете. Нужно было немного прийти в себя. В то время как Ирина получила очередной вердикт врачей о своем бесплодии. Поэтому выходить из себя у нее получилось намного лучше. Она прак-

тически полностью это сделала.

Во всяком случае, найти мою подругу, серьезного главного бухгалтера крупной фирмы внутри того, что я волокла с собой было крайне затруднительно.

Темные клешни леса, что словно сжимались по сторонам от дороги, не предвещали ничего хорошего. Но одновременно намекали, что трасса уже близко. Еще когда мы сюда заезжали, я обратила внимание, что эта широкая полоса асфальта проскакивала между тисками двух мощных лесных порослей и упиралась в трассу.

Я обогнула деревья, которые бодро вступили в спор с цивилизацией. Отважно поселились почти на границе лесополосы и территории, где располагался ночной клуб, отель, бар и прочие прелести жизни. Включая баню и сауну. Этот загородный комплекс для отдыха был достаточно известным и даже фешенебельным. Для богатеньких, которым хотелось уехать подальше от знакомых пенатов и оторваться на полную катушку. Кто ж знал, что богатенькие настолько отрываються за чужой счет...

Ирина рвалась в сауну. Но я ее отговорила. Я видела какие мужики оттуда выходят.

Дурные, разгоряченные во всех смыслах слова. Им бы сюда бордель – и труженицы горизонтального фронта уже через неделю попросили бы о досрочной демобилизации.

Это уже не приключение, не развлечение, а чистый адреналин.

Внезапно показалось, что Ирина снова упала в яму. Во всяком случае, ее рука выскользнула из моей. Я оглянулась. И попятилась.

Если ты не идешь в баню-сауну, это еще не значит, что она не придет к тебе.

Трое хорошенько пропаренных мужиков, красных от алкоголя и процедур, с совершенно неменяемыми лицами окружили меня в одно мгновение. Даже странно, как в таком состоянии им удавалось так быстро и ловко двигаться.

– Ну давай, крошка. Развлечемся. Мы тебя еще в клубе приметили...

Ага. Я поняла, что это за веселая компания.

Чуть поодаль от нас с Ириной сидели трое персонажей. Такие бугаи с нахальными рожами. Накаченные и, похоже, слишком пресыщенные богатой жизнью мужики. В такие заведения, как «Приют странников» заходят лишь те, кто может оставить полсотни тысяч на выпивку.

Эти же, судя по тарелкам с омарами и прочими морскими гадами, всяким там экзотическим суши и фруктам, явно оставили в «Приюте» значительно больше. И большего ожидали от вечера.

Я была уверена, что в сауне они хорошо оторвутся. Потому, что троица захватила нескольких дамочек явно фривольного поведения. Во всяком случае, те лапали задницы качков и хохотали на их шуточки.

Но, похоже, податливые женские тела, готовые на любые

подвиги и эксперименты, мужикам оказались не так интересны. Как мое. Которое начнет брыкаться, отбиваться и кушаться.

Ахнуть не успела, как мне сделали подножку, завалили на землю, на которой оказался чей-то дорогой кожаный плащ. В лицо пахнуло грязью, бензином и натуральной замшей.

Сверху навалилось тяжелое мужское тело, а колено раздвинуло бедра.

Громадная лапища полезла в интимное место, нащупала лосины и тутже рванула. Треск материи и горячие пальцы на самом сокровенном месте мгновенно избавили меня от временного шока.

Дико захотелось разрыдаться. Заорать. Начать драться, царапаться, вертеться юлой.

Но я взяла себя в руки.

Как обычно в критической ситуации я начинала мыслить, как нельзя более ясно. Буквально просчитывать все до мелочей.

Позвать на помощь? Вряд ли это поможет. Трасса довольно далеко, меня никто не услышит. Врезать этому козлине по яйцам? Отгрызть ухо?

Мужик расстегивал ширинку. А другие застыли неподалеку. Нависли черными тенями, явно в ожидании своей очереди.

Так что, если временно выведу из строя одного, двое других меня точно не отпустят. Нет. Не вариант.

Что же делать?

Я попробовала нащупать остатки разума и разумности у мужика, который уже пристраивался к дырке в моих лосинах, пыхтя и пытаясь протолкнуть туда свой внушительный агрегат.

– Послушайте. Вы сейчас пьяные и веселые. А завтра вы пожалеете. Я заявлю в полицию.

Огромная лапища зажала рот, почти лишив прилива кислорода. Даже голова закружилась.

– Никуда ты не заявишь, маленькая шлюшка. Мы тебя отыщем, а потом приедем тут, в уголке. Закопаем в лесу, и никто тебя не найдет.

Страх парализовал меня, скользнул вдоль позвоночника миллионами ледяных иголок. Я попыталась сглотнуть. Но горячая пятерня так давила на горло, что и это у меня толком не вышло.

Я зажмурилась и стиснула зубы.

Казалось, похоть разливается по воздуху неприятным удушливым смрадом. Я почти чувствовала ее на каком-то особенном, инстинктивном уровне. Так самка, нарвавшись на самцов в период гона, за версту понимает – надо бежать. Вот только бежать я уже не могла...

Дружки моего насильника аж причмокивали и тяжело дышали от возбуждения, предвкушения и напряжения момента.

Мерзавец выматерился, рванул еще раз мои лосины и

толкнулся горячей плотью. Почти добился желаемого...

Но в эту минуту его что-то отбросило.

Я ошарашенно вскочила, отшатнулась. Чуть не упала обратно на землю и с трудом оперлась о большую темную машину... Э-э-э... Большая... черная... машина...

Откуда она тут?

В эту минуту зрение сфокусировалось.

Я увидела, как мощный мужской силуэт лупит моих насильников и раскидывает по сторонам.

Те только пьяно икают, хрюкают и ползают по грязи.

Дезориентировав гадов, незнакомец схватил меня, запихнул на переднее сидение машины и запрыгнул на водительское место.

– Стойте! Стойте! – крикнула я.

– Чего? – мужчина повернулся ко мне.

Настойчивый взгляд серо-голубых глаз впился в лицо. Резкие черты при таком освещении выглядели еще более хищными, крупными, но одновременно и привлекательными. Квадратная челюсть, высокий упрямый лоб и густые черные волосы, стриженные очень коротко, усиливали впечатление.

Этот мужчина явно не привык к тому, чтобы ему приказывали. Вот как я сейчас. Скорее уж он всеми командовал. А остальные ходили по струнке, даже не вякали.

Я инстинктивно вжалась в сидение. Спаситель пугал. Почему-то даже больше чем те насильники, что едва шевели-

лись в придорожной грязи, как кучка свиней. Что выглядело очень даже символично.

– Ну? Стойте? И? – незнакомец немного сбавил тон. Заметил, что я окончательно сбита с толку и от страха аж обхватила себя руками. – Говори уже! – добавил раздраженно.

– У... меня... там подруга...

Мужчина выругался, почти также забористо, как мой несостоявшийся насильник. Вышел из машины, а через минуту на заднее сиденье плюхнулось тело Ирины. Грязное и посапывающее мирным пьяным сном.

– Ну и подруги у тебя! – сквозь зубы процедил незнакомец. – Не удивительно, что ты угодила в эту переделку.

Газанул, и железный зверь, взревев, вырвался на волю – на трассу.

– Ккуда вы нас везете? – в ужасе уточнила я.

Мужчина прибавил скорости, не отвечая на мой вопрос. Я поглядывала на дверцу машины, и в следующую секунду раздался щелчок. Незнакомец заблокировал двери. Я поежилась и прикусила губу.

– Успокойся! Приди в себя! – скомандовал незнакомец и газанул еще раз.

Мы пролетели приличное расстояние. Я в ужасе разглядывала жесткий профиль спутника, который в слабом освещении салона казался высеченным в скале. На мужчине были толстовка и джинсы. Очень дорогие, насколько я могла оценить.

В машине пахло ягодами, и судя по ее начинке – кондиционеру и прочим примочкам – эта иномарка стоила целое состояние. Я сразу же подумала, что Ирина сейчас щедро снабжает салон грязью. Стало еще страшнее.

Какотреагирует этот упакованный мужчина, от которого за версту несло властью и деньгами, на подобную порчу своего имущества?

Тем временем, спутник вдруг ударил по тормозам, и мы припарковались на обочине.

Щелчок дал мне знать, что теперь можно выйти.

Я выскочила наружу и жадно глотнула ночной воздух, пропитанный запахом раскаленной на солнце хвои, сырости и резины.

Послышался слабый удар закрывшейся дверцы, и мужчина оказался рядом со мной. Вдруг подтолкнул меня к машине и навис, оградив мускулистыми руками.

Пленил. Потому, что, ощущая его силу, его властность я не могла с места сдвинуться... Взгляд серо-голубых глаз, словно выстрел в упор, буквально прищипил меня к месту, как игла хрупкую бабочку.

– Что вы собираетесь делать? Только не опять...

Из меня словно всю энергию выкачали. Я даже дышать перестала. Только изучала суровое, злое лицо незнакомца. И невыносимо хотела расплакаться. Сама не поняла, как еще удерживалась.

Насильникам я дико жаждала сопротивляться. Драться,

царапаться, кусаться, кричать.

А вот этот мужчина вызывал одно только желание – спрятаться. Или подчиниться его воле.

Незнакомец замер: огромный, какой-то весь напряженный и дышал слишком шумно для человека, который почти не шевелится. Молчал. Сверлил меня пытливым, изучающим взглядом.

Казалось он кроссворд в моем лице разгадывает. Складывает в голове какой-то сложнейший пазл.

Внезапно складки на его лбу и переносице разгладились. Мужчина немного отклонился назад и резко провел рукой по волосам.

– Надо было побыстрее оттуда уехать. Пока эти мрази не вызвали дружков, – хрипловато пояснил незнакомец уже куда более спокойным тоном. – Я тоже не Терминатор. Могу навалить двоим, троим. Но с десятком бугаев справлюсь вряд ли...

– Дружков? Бугаев?

– Да. В сауне их ожидали остальные.

– А вы...

– Сидел в углу зала. Это я прислал вам десерт в подарок. Боже! Чизкейк! Я думала, это те уроды...

– Вы меня не видели. Я находился в приватной кабинке, за ширмой, – спокойно пояснил незнакомец. – Я видел, как они за вами пошли. Подумал, что не помешает помощь.

– Не помешает, – кажется, я впервые за последние мину-

ты начала нормально дышать. Да и гулкий пульс в ушах перестал накладываться на разговор белым шумом. – Спасибо.

– А вот теперь я задам вам тот же вопрос, который вы задали мне в салоне.

Он еще чуть приблизился и вдохнул порциями. Словно не мог сделать это быстро и сразу.

– Какой? – уточнила я, парализованная взглядом мужчины.

– Куда мы едем? Мы же должны доставить вашу подругу домой? Нет?

– Ддомой? – я еще была оглушена и ошарашена последними событиями. Мысли текли непокорно и вяло. Поэтому я даже не сразу сообразила, о чем вообще идет речь.

Незнакомец усмехнулся.

– Ну, во всяком случае, туда, где она сможет выспаться и перенести все прелести похмелья. Она где-то живет? Надеюсь, не в той яме, куда свалилась?

Я нервно хихикнула. Глаза незнакомца странно сверкнули. Уголки губ дрогнули в некоем подобии слабой улыбки.

– Не надо так бояться. Если бы я хотел вас поиметь таким образом, я уже это сделал бы. Поэтому, просто сейчас успокойтесь и скажите куда мы едем. Потому, что я не могу всю ночь катать это тело по городу. Она и так испачкала пол салона и провоняла весь.

Поскольку быстро я не ответила, незнакомец убрал руки, упершиеся в машину у моих висков и усмехнулся.

– Кстати. Меня зовут Борислав Беркутов. Но все зовут меня Беркут.

Я сглотнула. Мда. Более чем подходящая фамилия. Как и кличка. Беркут.

Хищный. Сильный. Быстрый. Лучше и не придумаешь.

– А тебя как зовут? – нетерпеливо продолжил разговор «в одни ворота» Беркут. Похоже его энергичная натура не выдерживала моего ступора. – Давай уже. Приди в себя и что-то скажи... Понимаю, что ты пережила шок. И сейчас еще слегка не в себе. Но все же нормально. Разве не так? Я тебя в обиду не дам! Любой, кто покусится, получит на орехи. В точности также, как те уроды. Ну же... Все нормально... Все будет хорошо... Поверь, я об этом позабочусь...

Последние слова он произнес уже гораздо более мягким тоном. Совсем без раздражения. И это слегка встряхнуло меня. Да и обещание защиты таким тоном, словно Беркут клялся, не меньше, сразу сбавило градус тревожности.

– Э-э-э. Аля... Альвина.

Я снова нервно хихикнула.

– Что? – удивился Беркут.

– Просто я уже думала, что сегодня мужчины моего имени спрашивать не станут. Кстати, мою подругу зовут Ирина.

– Бессмысленная информация, – отмахнулся Беркут и даже немного поморщился. – Вряд ли мне удастся пообщаться с этим телом. А если и удастся. Не думаю, что мне будет это интересно.

Я развела руками. Защищать Ирину не хотелось. Особенно после всего, что со мной приключилось по ее милости.

– Так куда мне доставить этот мешок мяса? – вернулся к прежней теме Беркут.

– Березовая двадцать семь, квартира сорок. Там живет мама Ирины. Должна открыть дверь... Если что – ключи в кармане платья Ирины.

– Хрущевка. Пятый этаж. Отлично! – Беркут беззлобно оскалился и открыл мне дверцу машины. На сей раз, я села сама. Пристегнулась.

И железный зверь рванул с места, как и в прошлый раз. Беркут не любил медленного разгона, плавного торможения и спокойной езды. Это я уже уяснила.

– Кхм... – вдруг покосился на меня спутник. – У этого платья есть еще и карманы?

* * *

Беркут

Несколькими часами ранее

Трасса – место где можно выпустить пар скоростью и даже расслабиться. Ловить ветер боками железного монстра, будто корабельными парусами.

Но еще это место, где случается всякое.

Беркут ехал немного расслабиться, развлечься, уйти от

дел.

Один. Потому, что он не любил расслабляться в компании бизнес-партнеров. А друг некстати укатил куда-то на Мальдивы.

Сегодня на работе было напряженно. Несколько сделок, в которых Беркута то и дело пытались подрезать конкуренты или подставить подножку партнеры. Бизнес – те еще джунгли. Каждый может оскалиться саблезубыми клыками. Только следи, гляди в оба. Если не хочешь, чтобы тебя сожрали, близко никого не подпускай и никому не давай спуску.

Но все закончилось отлично.

И вот трасса тоже решила испытать нервы Беркута.

С одной из поселковых дорог выскочила легковушка, не справилась с поворотом и вылетела прямо под колеса большегруза с бревнами.

Видимо, дебил водитель слишком спешил, как и многие владельцы спортивных авто считая, что любая дорога – их гоночный полигон. Да и вообще с их распальцовкой и крутотой уже никто не страшен. Даже сам черт.

Таких идиотов, которые только и могли что мериться градусниками цены и модности своих тачек Беркут уже повидал. И всегда от них были одни неприятности.

Так оно произошло и теперь. Предсказуемо, мать твою!

Водила большегруза ударил по тормозам, машину здорово развернуло. Бревна подскочили и покатались. Начали

спрыгивать на трассу, будто решили прогуляться. Понеслись под колеса маши, вмиг превратив трассу в бурелом.

Зашипела резина, воздух наполнили гудки, матерные ругательства, вопли страха и ужаса.

Машины тормозили, давали задний ход, ухали на обочину.

Разворачивались, пытались объехать, делали крутые виражи.

Изошрялись как могли, чтобы избежать столкновения с бревнами и друг с другом...

Это было просто нечто.

Эдакие пятнашки, где жизнь и здоровье стоят на кону.

Сыграл правильно – ты молодец, нет – так сыграешь в ящик.

Следующий рогатый большегруз огибал место аварии, не справился с поворотом, и смачно впечатался в столб.

Грохот ненадолго перекрыл шумовую вакханалию.

Послышался треск, гулкий звук и...

Тшшш...

Этот звук, похожий на шипение тысячи змей, раздался словно из ниоткуда. И Беркут сам не понял, как среагировал. Газанул, вылетел на обочину и там, боком, пронесся дальше. Глядя, как высоковольтный провод скачет по асфальту озверевшей гадюкой и жалит, жалит, жалит...

Несколько машин попали под удар. Беркут притормозил. Вызывал скорую, полицию. И заметив, что машины с мигал-

ками уже спешат к месту происшествия, облегченно выдохнул.

Потом пришлось несколько часов провести с полицейскими.

Беркут рассказывал, что видел. Несколько раз. Детально.

Впрочем, ничего особенного он засечь не успел. То же, что и остальные здоровые и перепуганные свидетели.

Поэтому, в итоге, его отпустили, попросив подписать показания.

Напоследок Беркут спросил, как там водилы, что угодили в аварию.

Водитель спортивной машины, который все начал, иначе и не скажешь, оказался в реанимации в тяжелом состоянии. Столкновение с большегрузом, этой горой на колесах, хорошим ни для кого не заканчивается. Там тормозной путь, что для некоторого – целое путешествие. Ни шанса на мягкое столкновение. Только хардкор!

Остальных с ожогами и травмами разной тяжести развезли по больницам. И вроде бы все находились в более-менее приличном состоянии. Во всяком случае никто не погиб, не впал в кому, и не поселился в реанимации.

Однако, если верить «погонам», только Беркут и еще один ловкий водила совсем избежали травм. Остались целыми и невредимыми.

Теперь Беркуту просто необходимо было отвлечься. Потому, что тормоза отказывали.

И тут эта парочка что-то там отмечающих пташек из среднего класса.

Одна, словно тощая ворона. С узким лицом, глубоко посаженными блекло-серыми глазами и мочалкой белых волос на голове. В узком платье-чулке, что обтягивало плоскую задницу.

Вторая... ласточка. Он и сам не знал почему так подумалось. Но прозвище прилипло к той незнакомке. Как приклеенное, словно второе ее имя.

Изящная, изысканная, будто бриллиант среди побрякушек и стекол. С высокой большой грудью, размера третьего. Талией, которую Беркут мог, наверное, обхватить ладонями.

С длинной шеей, прямыми, как стрелы, ногами, от которых просто глаз не отвести. Копной пышных темных волос с рыжим отливом.

Большими миндалевидными глазами, чуть подчеркнутыми татуажем. Бровями вразлет и маленькими, сочными губами. Беркут не мог сказать навскидку сколько ей лет. Вороне было явно под сорок. Возможно, тридцать пять. При таком поведении потасканность – дело обычное. А вот ласточке...

Беркут наблюдал за ней весь вечер.

Как она поднималась из-за столика и словно не шла – плыла. Как смеялась вместе с вороной. Пока та хрипловато каркала, а под конец и вовсе – пьяно похрюкивала. Смех ласточки доносился до Беркута симфонией.

Как она оправляла короткое свободное платье с пышными

рукавами, чтобы то закрывало шикарные, круглые, словно налитые яблочки, ягодицы. Хотя и была в кожаных лосинах. Задирай «верх» – не хочу. Ничего неприличного. Почти все в заведении уже знали, что у вороны под черным платьем красные трусы.

Беркуту нравилось наблюдать за ласточкой. Он забывал о пережитом на трассе, хотя оно еще бродило в крови хмельным коктейлем и взвинчивало эмоции на дыбы. А заодно и желания тоже.

Заводило пусковым механизмом. И бомба Беркута уже тикала. Тик-так... тик-так... В такт быстрого, слегка ошалелого пульса.

Время от времени напоминая о том, что он – молодой мужчина и сейчас неудовлетворен настолько, что и пищу-то переваривать нечем – вся кровь скопилась в другом месте.

Курок буквально уже взведен. Нужно лишь чуть поднажать – и выстрел.

Спустя некоторое время к Беркуту подошла официантка. Одна из тех, что обслуживали vip-клиентов.

– Вам еще что-нибудь нужно?

Беркут откинулся на спинку кресла.

– Вот те две женщины. Что они заказывали и что смотрели, но не заказали?

Официантка бодро отчеканила:

– Крашеная блондинка заказывала пасту, много-много коктейлей и еще пасту. А потом тирамису и еще много кок-

тейлей. Шатенка заказала пиццу и, по-моему, хотела чизкейк.

– Принеси ей. Я оплачу.

– Какой?

– А какой у вас самый свежий?

– Фисташковый.

– Значит, его.

И уж никак не ожидал Беркутов, который ехал за шатенкой, сам не понимая зачем, что на пути возникнут те ушлепки.

Не один Беркут залип на эту куколку.

Стоило ему увидеть, что тот ублюдок почти...

У Беркута сорвало крышу.

Он неплохо дрался. Любил побоксовать, немного побаловаться вольной борьбой с теми, кто разбирается. Но сейчас это был не бокс и не спаринг – настоящий, насыщенный гормонами и эмоциями мордобой.

Беркут вбивал удары в лица и тела пьяных противников, как гвозди в крышки их гробов.

Четко... Один за другим... Не жалея силы.

Подробно, на пальцах, а, вернее, на пинках и кулаках объяснял тем ублюдкам, что эта женщина – не их поля ягода. Такая не для них. Совершенно.

Им и стоять-то с ней рядом – уже преступление.

А потом... потом он сам едва не слетел с катушек.

Второй раз за день у Беркута отказали тормоза.

Когда они с ласточкой стояли на трассе, вдвоем, и Беркут держал ее в плену своих рук. Испуганную, взвинченную и от этого еще более красивую. Дразнящую... Притягательную...

Она походила на птицу, что заперта в клетке, но в любую минуту готова выстрелить в небо, представилась бы только возможность.

Близость ласточки щекотала нервы почище недавнего шестеста шин по трассе. Также остро, также невыносимо бодряще, как прыжки высоковольтного провода неподалеку... Совершенно выбивала из колеи. Вызывала приятные и одновременно болезненные спазмы в животе, которые спускались в пах. И там все наливалось тяжестью, жаром...

Беркут вполне понимал тех ублюдков. Надо же куда-то сбросить пар, насмотревшись на эту женщину.

А не глазеть на нее, не пялиться было просто невозможно. Взгляд прилипал намертво. Захочешь – не отведешь. Сам себя одернешь – и все равно ласточка станет центром внимания.

Сидя с ней рядом, Беркут ощущал себя так, будто разъяренная змея высоковольтного провода все же добралась до него. И шандарахнула. Еще как шандарахнула!

Аж искрило. Аж темнело в глазах.

И вместо того, чтобы найти женщинам такси, отправить их по домам, Беркут зачем-то заделался их личным извозчиком. А точнее, службой доставки недвижимого имущества ласточки – ее подружки-готовальни.

Даже обманул Алю, что те мрази были не одни. Что в любой момент к ним может подоспеть помощь. Чтобы ласточка не трепыхалась и поехала с ним.

Потому что Аля, кажется, почувствовала, что Беркут не просто так расщедрился на длинные круги по городу. У него тоже был свой интерес...

Ложь вылетела из горла сама. Беркут даже не напрягался.

* * *

Аля

Какое-то время мы ехали молча. Я заметила, что Беркут опять заблокировал дверцы машины. Но предпочитала об этом не думать. Куда мне деваться посреди трассы? Да еще и с «мешком мяса», как метко выразился спутник.

Ирина заразительно храпела на заднем сидении. Становилось ясно — хоть немного привести ее в чувство, заставить хотя бы инстинктивно передвигать ногами, мне уже вряд ли удастся. В такси «таких» не часто сажают. Боятся, что их вытошнит на сиденье или еще чего похуже... Например, случится недержание... Да и какой водитель согласится нести Ирину до самой квартиры? Такси обычно все же заказывают хотя бы до подъезда...

А на себе я подругу уж точно не дотащу. Весим мы почти одинаково. На штангистку я не тренировалась. А тут еще од-

но чудесное обстоятельство – пятый этаж хрущевки, куда мы везли Ирину. И в доме нет лифта!

Миссия невыполнима!

Оставалось надеяться только на Беркута. Этот мужчина одновременно пугал, но и вызывал доверие. Казался ну просто оплотом надежности.

Я опасливо косилась на Беркута. Скользила взглядом по его рукам, обтянутым тугими канатами мускулов, и задерживаясь на кистях. Огромных, как лопаты и одновременно достаточно красивых. Благодаря длинным пальцам, которые скрадывали широту ладоней.

– Ну и что? Нравлюсь? – внезапно спросил Беркут, когда я в очередной раз мазнула взглядом по его волевому профилю и мощной груди. Которая сейчас, казалось, по-прежнему вздымается чаще, чем того требовала ситуация.

– Эм... Странный вопрос, – совершенно растерялась я.

– Ни разу не странный. Ты меня уже битых полчаса изучаешь и так, и сяк. Вот я и спрашиваю. Нравлюсь?

– Нне знаю... А это имеет значение?

– Раз спрашиваю, значит, имеет.

И он вновь замолчал. Чуть поджал губы и какое-то время непрерывно хмурился. Как будто его задел наш разговор. Или что-то другое задело.

Но я предпочитала не спрашивать. Доедем, поблагодарю от души и разойдемся с миром. Нет смысла лезть в спутника глубже. Мы больше никогда не увидимся.

Я тогда еще не знала, что Беркут не просто так получил свое прозвище.

Он хищник и он умеет охотиться. А если и отпускает добычу, то лишь затем, чтобы снова вцепиться в нее мертвой хваткой.

Машина въехала в сияющий всеми ночными огнями город. Влилась в бурный поток авто.

Слишком уж бурный для двух часов ночи.

– Тут лучше направо... Потому что там, куда ведет навигатор, дорога разбита... Там лучше уже сразу ехать на танке... – нарушила я тишину салона робким замечанием, с оттенком ехидцы.

Беркут прожег взглядом и крутанул руль. Сделал так, как я и советовала.

Снова мы ехали в полном молчании, и я уже минуты считала до дома Ирины. Потому, что напряжение какой-то непонятной природы здорово дергало нервы. И нагнеталось с каждой минутой. Беркут косился на меня все более странно. Или мне только так чудилось. Во всяком случае, я ни на минуту не могла расслабиться. Хотя тело откровенно требовало более удобного положения, подушки и сна. Разве что только не голосовало с плакатами «Отдыха!»

Наверное, я продержалась на одном только адреналине. Потому что стоило лишь слегка сбавить градус внимания, как глаза начинали слипаться, и голова становилась до жути тяжелой. Несколько раз я клюнула носом и сразу же просы-

палась.

Беркут окидывал внимательным, понимающим взглядом и только качал головой.

Но ничего не сказал.

Наконец, мы добрались.

Вообще-то подруга жила в элитной четырехкомнатной квартире в другом конце города. Но я не помнила адреса.

Ирина лишь недавно приобрела новое жилье. Продала предыдущую трехкомнатную и тоже элитную квартиру и добавила денег. Все обещала нам новоселье, но так пока и не сподобилась.

Поэтому я решила привезти Ирину в квартиру ее матери. Часть вещей подруги еще там хранились. Так что я была уверена – утром Ирина сможет привести себя в чувство. Помыться, переодеться и переосмыслить наши приключения.

Если она вообще помнит ту их часть, которую я предпочла бы забыть.

Беркут притормозил возле парадного.

Вышел, открыл заднюю дверцу машины. Ловко закинул Ирину на плечо и двинулся к подъезду.

Я даже не поняла – как Беркуту так повезло. Подъезд заперлся на замок. И дверь открывалась по звонку с домофона или магнитным ключом одного из жильцов. Ключи из кармана Ирины спутник так и не удосужился выудить. Мне почему-то почудилось, что он брезгует.

А теперь, когда Ирина висела у него на плече, не прекра-

щая сладко похрапывать, это было бы крайне затруднительно.

Однако из дома как раз выходил парень. И Беркуту осталось лишь придержать дверь ногой.

Я стеклянным взглядом наблюдала как его мощная спортивная спина скрывается за дверью...

Но... спустя несколько секунд, мое мутное, полусонное сознание сигнализировало красной лампочкой.

Я аж подскочила на сидении и резко выпрямилась, расправив плечи. Проснулась, а точнее даже – очнулась, вышла из ступора дремы.

Че-ерт!

Почему Беркут не позвал меня следом?! Последние минуты дороги я прикидывала – не завалиться ли к Ирине поспать. Настолько усталость брала свое. Я боялась, что просто не дотяну до собственного дома в более-менее вменяемом состоянии. И Беркуту придется тащить на себе еще один «кусочек мяса». Только не пропитанный насквозь алкоголем.

Я уже даже прикидывала, где прикорну в квартире мамы подруги. Наверное, на раскладной кресле-кровати, которую держали для усталых гостей...

Я ночевала там еще школьницей...

Вспомнила бы лучшие годы. Когда и трава была зеленее и мужчины приятней... Потому что большей частью я читала про них в книгах и смотрела в кино.

Я уже хотела броситься за Беркутом. Но вдруг поняла, что

машина останется не закрытой на ключ.

Че-ерт еще три раза! Такую иномарку нельзя бросать без присмотра!

Я за нее до конца жизни не расплачусь! И, даже, если стану вампиром, придется еще пару сотен лет работать только на долг.

И тут мой взгляд упал на ключи в замке зажигания.

Ого! Он настолько мне доверяет? Или тоже уже почти засыпает? Нет, лучше мне этого не знать. Хватит с меня потрясений на один вечер. Надо как-то дозировать нагрузку на нервную систему.

Не больше одного шока за сутки.

А то нервный тик идет далеко не всем. Да и мало ли какие еще отморозки примут мой нервный тик за подмигивание и заигрывание...

Да уж... Прошляпила я свое счастье... Плакал мой план выспаться у Ирины!

Придется держаться до конца!

Кто ж знал, что этот «конец» обескуражит и меня и Беркута. Выбьет почву у нас из-под ног и перевернет наши жизни с ног на голову...

Похоже, сегодня мне вообще противопоказано что-то планировать. Я ведь собиралась погулять, расслабиться и вернуться домой без приключений...

Ага... Расслабилась... Вернулась... Без приключений...

Придется, сцепив зубы, сражаться со сном еще минут два-

дцать или тридцать. Тут уж как повезет с дорогами.

Я откинулась на спинку сиденья и ждала Беркута, борясь с тяжелыми веками, которые закрывались буквально уже сами собой. Так и норовили слипнуться намертво.

Беркут вернулся довольно быстро.

Сунул свой навороченный смартфон в мое приоткрытое окно и продемонстрировал красноречивое фото.

Ирина блаженно дрыхла на своем диване. Даже без обуви.

– Хорошо, что дверь закрывается снаружи на защелку, – раздраженно сообщил Беркут. – Потому, что мама твоей подруги, похоже, сегодня ночует не дома. Если честно, этой ночью и я предпочел бы другое место для отдыха.

Я схватилась за ручку машины, собираясь выйти и вызвать такси. Казалось уже вопиющей наглостью заставлять Беркута тащиться на другой конец города, словно мой личный шофер.

Однако Борислав мгновенно запрыгнул в салон и ловко перехватил мое запястье.

Сжал. Не больно, но ощутимо.

Да уж... Он точно не сонный. Действовал Беркут также четко, натренировано и молниеносно, как в драке.

– Я хочу домой, – тихо пискнула я. Сил на какие-то объяснения, расшаркивания, препирательства уже не оставалось.

– Я отвезу, – спокойно сказал Беркут. – Говори адрес.

– Черешневая двадцать семь.

– Квартира?

– Я живу в одноэтажном домике. В частном.

Язык уже едва ворочался. Пережитое потрясение, длинная дорога в город и ночная усталость сделали свое дело. Я прямо вырубалась на ходу. Тем более, что обычно я ложилась значительно раньше и в это время уже видела десятый сон.

Беркут опустил сиденье, чтобы я оказалась в более удобном положении, и вытащил из бардачка надувную подушку для путешествий. Быстро надул ее и вручил мне.

Следом на мои ноги перекинул мягкий кашемировый плед.

– Спи. Нам дороги еще минут тридцать по пробкам в этом районе.

– Какие пробки? Ночью?

– Это вопрос не ко мне. Все вопросы к нашим градостроителям.

– Но если я засну...

– Я разбужу, как доедем.

Он казался слегка раздраженным и одновременно чуть ошарашенным.

Я списала все на приключение, в которое мужчина вляпался по нашей с Ириной милости.

Вначале угодил на реслинг. Потом сыграл роль скорой помощи, что собирает пьяных по улицам. И – последним аккордом – становился моим личным водителем.

Я послушно надела подушку на шею, накрылась пледом и

устроилась поудобней.

Ммм... Красота... Тепло, хорошо...

Казалось таким соблазнительным не выходить, не пытаться найти такси... Что все во мне проголосовало за вариант Беркута.

Стоило закрыть глаза, как я тут же вырубилась.

Глава 2

Аля

Очнулась я в темноте. Определенно не на своей постели.

Подо мной оказался внушительных размеров диван, наверное, рассчитанный человек на десять. Он тянулся от одной стены сумеречной комнаты к другой. И еще огибал угол.

Мягкая ткань ворсистой обивки казалась приятной к коже.

Тонкая простынь, что выполняла роль одеяла, похрустывала чистотой. Чуть более жесткая, чем мне нравилась, она пахла лавандой.

Стоп!

Огромная комната! Диван! Простынь! Лаванда!

Я подскочила на месте и села, суматошно оглядываясь.

Свет немедленно врубился, чтобы нокаутировать меня паникой.

Шок сработал почище двойного кофе. Меня буквально подбросило на ноги. Кожу обдало прохладой, и я суетливо прижала к голому телу простынку. Оглядывалась, не в силах сделать нормальный вдох. Горло сдавили тиски спазма.

Комната оказалась поистине огромной и хорошо, со вкусом обставленной.

Фотообои с лесом и озером теоретически должны были

навевать спокойные, расслабляющие мысли. Правда, не в моей ситуации. Когда очнулась неведомо где и неведомо почему.

Тут уже не до релаксации. Как бы совсем крыша не съехала. Тем более, после моих ночных приключений...

Брр...

Белые жалюзи на окнах оказались слегка приподняты и обнажали вид на настоящий парк, а точнее даже – кусочек леса.

Реально! Самый настоящий уголок нетронутой человеком природы!

Кроме дивана в комнате обнаружился небольшой столик, возле стены. На нем выстроились ладным рядом ажурные вазочки с сухофруктами и орешками. Рядом высился красивый, изящный графин с соком. Наверное, с апельсиновым, судя по цвету и запаху.

Я расхаживала по мягкому паласу с высоким ворсом босыми ногами, одетая как древнегреческая богиня – в тунику из простыни, под которой уже ничего не было.

Завершив обход комнаты, я собиралась двинуться дальше. Уже зацепила взглядом две двери. Одна, видимо, вела куда-то в коридор или в соседнее помещение. Вторая, судя по объемному изображению стекающих вниз капель – в ванную комнату.

Однако стоило сделать несколько шагов к первой двери, как в проеме выросла знакомая мощная фигура Беркута. Его

босые ступни перекатывались по паласу совершенно бесшумно. Будто этот мужчина учился подкрадываться незаметно...

Сейчас он выглядел еще более внушительным и гораздо более пугающим, чем прежде.

Белая футболка придавала Беркуту объема и акцентировала внимание на размахе его плеч. Поистине богатырском, иначе и не скажешь. Синие трико очерчивали мускулистые ноги мужчины.

При этом Борислав совсем не казался массивным. Его фигура была поджарой, как у матерого хищника.

Беркут казался просто огромным, а я – совсем маленькой. Все в нем излучало силу, от которой у меня мурашки бежали по коже и неприятно сосало под ложечкой.

Есть такое выражение – излучать спокойную силу. И, наверное, оно вполне подходило к Беркуту. Потому что двигался он очень медленно, плавно и совершенно спокойно. Но одновременно словно лишал меня пространства. Шаг за шагом сокращал комнату до размеров расстояния, что нас разделяло...

Брр... Аж мурашки побежали по спине, вызвав холодок и передергивание.

Чуть прищуренные серо-голубые глаза Беркута сверлили, как и во время нашего вчерашнего путешествия.

От неожиданности я попятилась, и нога предательски подвернулась. Секунда – и я на руках у мужчины, практиче-

ски в чем мать родила!

Беркут сделал натужный глоток, словно в горле у него что-то мешало и вдохнул порциями, как на трассе.

– Кхм... – вырвалось из его рта. После чего мужчина с минуту просто прижимал меня. Крепко, уверенно, будто так и положено. Словно он мне хозяин, владелец или вроде того.

У меня сердце грохотало в ушах. Я искала на красивом, мужественном лице Беркута ответы. Но на нем застыло нечитаемое выражение. Борислав будто окаменел – весь, с головы до ног.

Я даже поежилась. Сжалась и до боли свела челюсти.

Беркут беззлобно оскалился и тихо, но очень грязно выругался. Осторожно вернул меня «на родину» – на диван, где я и проснулась.

Я, наконец-то, смогла дышать и даже разговаривать.

– Что я здесь делаю? И где я вообще? Вы же обещали отвезти меня домой? Я, что, похищена?

Что вы собираетесь со мной делать? Почему я голая? Где мои вещи?

Я засыпала мужчину вопросами, а он все больше хмурился. Медленно пересек комнату и, присев на краешек стола, скрестил мощные руки на груди. Я заметила, как вздулись на них вены. А еще на шее и груди Беркута...

Когда поток моих вопросов иссяк, Беркут отделился от мебели и вновь совершил променады. Словно ему требовалось для чего-то это движение... Было буквально необходи-

мым занять себя чем-то после моего монолога.

Ух... Как же все это странно! Какой же он странный и непонятный!

Причем, все это время Беркут не сводил с меня взгляда – и одним этим взглядом почти обездвигивал, прищипливал к месту. Как пойманную бабочку к игольнице.

Наконец, Борислав вернулся на прежнее место, и снова присел на край стола.

Ответил он на удивление дружелюбно, спокойно и даже почти ласково:

– Аля. Вы дали мне адрес Черешневая двадцать семь. А таких улиц в городе, как выяснилось, четыре! Причем, все они в разных уголках города. Потому, что когда-то это были поселки. Затем их присоединили к столице, не озаботившись тем, что названия улиц идентичны. Я доехал до нужного адреса. Но оказался в гостях у незнакомцев. Которые про вас даже не слышали. После этого я сверился с картой города и решил, что объезжать следующие три поселка, по принципу – вдруг повезет, придется всю ночь. Поэтому я временно привез вас к себе домой.

Я сглотнула. Звучало логично. Даже вроде бы вполне правдоподобно. Но для меня ничего толком не объясняло. Поэтому я обрушила на Беркута новый град вопросов.

– Почему я голая-то? И почему вы меня не разбудили? Я бы пояснила куда ехать!

– Кхм, – он хрипло откашлялся и отвел взгляд от моей

груди, едва прикрытой полупрозрачной белой простынкой. – Вся ваша одежда была в грязи и пыли. А лосины – и вовсе превратились в драные тряпки...

Он сделал паузу, позволяя мне немного глотнуть воздуха. Потому что сразу вспомнилась причина того, во что превратились мои лосины. И адреналин буквально ошпарил жаркой волной.

Горячая пятерня на интимном месте и рывок... Скрип и треск ткани... И влажный, твердый мужской орган, что почти вошел куда надо... Если бы не подоспел Беркут.

Я тряхнула головой, будто пыталась вытрясти эти мысли и вновь сфокусировалась на собеседнике.

Тот мягко улыбнулся. Как-то почти приветливо. Даже непривычно было видеть на его лице подобное выражение. Как будто хищник внезапно не обнажает клыки в оскале, а радушно улыбается во все губы. Или протягивает руку для пожатия вместо того, чтобы вцепиться в горло.

– Я взял на себя смелость раздеть вас, немного окатить душем и отдать вещи в стирку. С минуты на минуту вам должны привести новые, вашего размера.

– Почему вы меня не разбудили?! – возмущенно спросила я, встала и даже топнула. Однако простынь сыграла со мной злую шутку. Похоже, в этой схватке она выступала на стороне хозяйина. Я наступила на краешек ткани, и та сползла к ногам белой кляксой.

Я оказалась совершенно обнаженной и тут же прикрыла

грудь руками.

А потом лобок. А потом одной рукой то и другой – другое. Беркут снова хрипло прокашлялся. Скользнул голодным взглядом по моему телу и торопливо засунул руки в карманы. словно прятал их, чтобы чего-то не сделать.

Я подхватила простынь и заполошно укуталась. А затем с вызовом воззрилась на мужчину.

– Почему вы меня не разбудили?! – становясь заезженной пластинкой, настойчиво повторила я.

Беркут привычно уже втянул воздух порциями. На сей раз, это у него вышло еще дольше прежнего. Затем Борислав сделал тяжелый, с усилием глоток и опять прокашлялся.

– Вы спали, как убитая. Не проснулись даже, когда я вас окатывал душем...

Он выдержал паузу, сцепив зубы так, что я видела, как напряглись мышцы челюсти. И желваки заходили ходуном.

– Я бы сама приняла душ. Переоделась и все остальное. Почему вы меня не разбудили?! Что вы собираетесь со мной делать?!? Зачем вы привезли меня к себе домой?

Вместо ответа Беркут налил мне соку в высокий, изящно граненый стакан. Сунул в руку. И отошел на приличное расстояние, словно не мог находиться поблизости.

– Сядьте, успокойтесь и давайте поговорим.

Это предложение, сделанное хриловатым басом под журчание сока, который Беркут наливал и себе тоже, несколько меня ошарашило.

В мыслях творился полный кавардак.

Обсудить? Что нам с НИМ нужно обсуждать?

Боже! Во что я опять вляпалась?

Что делать? И как бежать?

Я послушно села на диван, и замерла. Со стаканом в руке.

Беркут, тем временем, взял себе стул, устроился напротив, выдержав расстояние в пару шагов, и залпом осушил свой бокал. Будто бокал крепкого алкоголя.

– Ну чего ты, как неживая? – спросил с заметной досадой и будто бы даже встревоженно. – Разве я тебя хоть чем-то обидел? Почему ты думаешь обо мне так?

Я изучала его лицо. Чего добивается этот мужчина? Чего он от меня хочет? Привез меня к себе домой! Это звучало настолько пугающе, что мне бы сейчас сок в глотку не пролез.

Почему я о нем «так» думаю?

Да черт побери! Я в его власти. Во власти богатого и, видимо, развращенного самца. Который черт знает, что хочет со мной сделать. Определенно одно точно хочет. Конфигурация трико Беркута говорила об этом лучше всяких слов.

Я инстинктивно прижимала к себе простынь, словно она могла спасти меня от посягательств Беркута и дышала, кажется, через раз.

Молчание воцарилось в комнате. Настолько напряженное, что, казалось, еще немного и воздух всколыхнется взрывами.

Беркут пялился на меня. Именно – пялился! Словно го-

лодный зверь, который яростно следит за мелким животным, уже готовый проглотить его со всеми потрохами. А я глупо куталась в тонкую тряпочку, нервно комкая ее кулаками.

Я даже не знала, что лучше: убежать в таком виде и попытаться выбраться из владений Беркута, а потом нестись куда глаза глядят или остаться тут. Потому, что разгуливать в таком виде... Ну это же все равно что напрашиваться. Остаться тут, судя по виду Беркута – тоже.

Да-а-а. Кажется вчерашние мои приключения плавно перетекают в сегодняшние. Потому что за окнами занимался рассвет. Рассыпал розоватые блики по кронам деревьев и золотистыми искрами проскальзывал сквозь густой частокोल их стволов.

Малиновые языки лизали небо и потягивались, будто после долгого сна.

В окно повеяло росой, прохладой и влажной хвоей.

* * *

Беркут

Вопросы, которые ласточка сейчас задавала, Беркут уже несколько часов задавал себе самому. Слонялся по собственному дому, как неприкаянный, не в силах ничего предпринять или решить.

Он даже не прикорнул ни на минуту.

Да и не хотелось. Беркут всю ночь провел на ногах, а сна не было ни в одном глазу!

Да и какой уж тут сон? Когда в крови бродил дикий коктейль из сжигающего изнутри желания и совершенно не свойственных Беркуту сомнений и противоречий. Тут главное удержать себя в рамках рассудка. Не сорваться. Не утратить контроль.

Зачем он привез Алю к себе в коттедж? Он, действительно, приехал по нужному адресу. Постучался в калитку забора. Столкнулся с не очень уважительным приемом от мужика в семейных трусах и женском халате. Эдакой помесью хозяина и хозяйки.

И понял, что попал не в тот «жилой массив». Так теперь называли поселки, включенные в состав города.

Беркут мог растолкать пассажирку, которая мирно посапывала на переднем сидении и уточнить – куда, на самом деле, «направить колеса». Но почему-то этого не сделал.

Хотя мысль, определенно, вертелась в мозгу. И лгать, что этот простой, буквально просящийся ход, не пришел в голову, Беркут не хотел. Он вообще почему-то не хотел лгать Але.

И все-таки он повез ее к себе домой.

И что самое поганое – Беркут поступил бы так снова. Потому что... ну просто не мог по-другому.

Он в лепешку готов был расшибиться, чтобы это было не так...

Но все обстояло именно так.

А вот теперь Аля задавала все те же вопросы, которые роились в голове Беркута и всю ночь не давали покоя. Он, правда, не знал, что ей сказать.

У Борислава решительно не получалось облечь в слова все то, от чего давило и распирало в груди. Все то, от чего, глядя на Алю, он до зуда хотел ее к себе на руки. Не просто чтобы завалить. А чтобы ощутить ее тепло, ее доверие и ее близость. Как недавно, когда поймал Алю, прежде чем она успела упасть.

Было легко решить привезти к себе спутницу, затащить ее в свое логово. Потому, что дико хотелось присвоить ее. Вот уж чего от себя не ожидал Беркутов, за глаза прозванный подчиненными и партнерами «все под контролем», так это подобного финта ушами.

Он сам не понимал зачем и почему действовал так, как действовал.

Попробуй-ка объяснить – зачем отдернул руку от раскаленной сковороды.

Инстинкт! И все тут! Какие еще могут быть объяснения?

А Аля настойчиво требовала ответа.

И ее вполне можно было понять.

Ласточка проснулась в чужом особняке. Голая. Растерянная. Перепуганная.

Пыталась найти ответы на свои вопросы. И не получала их. Вернее, не получала ответа на главный. Когда и как она

сможет попасть домой и чего хочет от нее Беркут.

В глобальном смысле, по всей видимости. В перспективе. Нет, чего от нее хочет прямо сейчас, Борислав знал хорошо. Даже слишком. Эти мысли не оставляли ни на минуту. Тем более, что почти обнаженный вид ласточки не позволял крови вернуться в мозг. Все изящные линии, изгибы, округлости отлично просвечивали сквозь тонкую ткань простынки.

А тут еще тряпица, которой она прикрывалась, вообще упала, стекла к ногам Али.

Вот это был удар ниже пояса. Да, да, прямо туда. Между прочим, вполне реальный удар! Довольно болезненный!

Беркут аж закашлялся, ощущая, как неприятно свело все в паху.

Сел на стул, закинув ногу на ногу. Потому что Аля скользнула взглядом по его штанам и, похоже, все поняла.

Поставила знак равенства между ним и теми ублюдками, что пытались взять ее на дороге.

Нет. В плане желаний между ними разницы не было.

Непривычно сильный, ошалелый голод по женщине не давал Беркуту думать о чем-то другом. Во всяком случае, нормально подумать, осмыслить.

Но насильником он никогда не был.

А сейчас вдруг пришло осознание: проще себя самого же кастрировать, чем обидеть эту маленькую женщину.

Поэтому Беркут набрал в грудь побольше воздуха, и об-

ратился к Але, которая испуганно шарила взглядом по его лицу, ища ответы, которых у мужчины не было.

– Я не собирался делать ничего такого, о чем ты подумала.

– Тогда зачем вы меня сюда притащили? В сотый раз спрашиваю! Вы же могли меня разбудить! Да, в конце концов, уж если вам так надоело таскаться со мной по городу, я могла выйти и вызвать такси... Я же не дура и не такая нахалка, чтобы заставлять вас колесить столько времени!

– Да и да, – не стал отрицать Беркут. – Мог и могла.

– И? – выжала она из себя остатки смелости. И посмотрела затравленным зверьком.

Беркут встал, налил себе еще соку и вернулся на прежнее место, не забыв закинуть ногу на ногу.

Аля ждала. А он просто не знал, что ей сказать. Поэтому решил поделиться тем, что вертелось в голове все то время, пока ласточка мирно спала у него на диване. Так естественно и так правильно. Словно это ее истинное место!

Ну правда! Она была создана для этого дома, для этой гостиной и для... Беркута.

За ночь Борислав навел справки, подключив известного в городе частного детектива – Алексея. Теперь он знал, что Альвина Радужная вчера развелась с мужем. Ее сыну восемь лет, и он сейчас живет у тети Альвины. Вернее, ласточка называла ее тетей. На самом деле, Майя Андреева была какой-то дальней родственницей Али. Очень дальней и по линии деда.

Своих детей у Майи и ее мужа Дамира не было. Поэтому она с удовольствием иной раз брала «на постой» мальчугана Альвины. С интересным именем – Риан.

Определенно, оставив любимого ребенка Майе, ласточка собиралась немного отвлечься. Развлечься. Привести себя в чувство. Ведь, судя по тому, что выяснил для Беркута Алексей, Аля души не чаяла в сыне.

И уж если решила с ним ненадолго расстаться, значит, действительно, ей требовалась передышка. Немного воздуха и немного радостей.

Работа фрилансером в качестве дизайнера, весьма, кстати, востребованного и популярного, позволяла Але взять тайм-аут. И немного пожить в свое удовольствие.

Следовательно, ничего не мешало ей пожить в свое удовольствие тут, у Беркута.

А он был очень даже готов обеспечить этой женщине все доступные удовольствия. И возможно даже не очень доступные ее социальному среднему классу.

Вот так вдруг и сразу. Готов. Даже счастлив. Да он бы в лепешку расшибся!

И Беркут совсем не был готов к тому, что Аля вот сейчас сделает ноги.

– Вы не ответили!

А она настырная!

Беркут прочистил горло.

– Я решил, что в твоей ситуации, жизненной ситуации, не

помешает развеяться. Разве нет?

Аля приподняла брови, опустила и воззрилась пытливо, недоверчиво, с прищуром.

Беркут усмехнулся. Такой она еще больше ему нравилась. Недоступной, неприступной, отстраненной. И одновременно теплой, лакомой. Подобно маленькому, симпатичному ежику, который шипит и тычет в тебя колючками, а тебе безумно хочется нежно погладить пушистый животик зверька. Почесать маленького задиру за ушками. Дать ему жирной сметанки и посмотреть как этот чудик уплетает на обе щеки.

Вот именно нечто подобное испытывал Беркут сейчас к Але.

И ему так хотелось ее успокоить... Просто заграбастать в свои лапищи, такую маленькую и хрупкую, и скрыть от мира у себя на груди.

Мать твою! Как же хотелось!

– Спасибо. Вчера уже развеялась. Больше не надо! Мне хватило до конца жизни, – полыхнула она возмущенным взглядом. – Или вам кажется, что мне мало досталось?

Беркут поморщился. Ну вот как с ней, с такой, договариваться?

Где, в его словах, прозвучало, что он планировал какое-то принуждение? Тем более – «как вчера»?

– В бассейне поплавать не хочешь? – зачем-то сменил тему Беркут. Возможно, потому что аргументы резко иссякли. А прямой, настойчивый взгляд Али не оставлял возможно-

сти юлить и отнекиваться. — У меня в цокольном этаже два больших. Один теплый, второй морской. Рядом есть отличная сауна. Там пар с солями из целебных солончаков. Очень полезный. Любые болезни лечит и предотвращает.

— Чего вы от меня хотите? — возмутилась Аля и опасно покосилась на Беркута.

Тот невесело усмехнулся.

Мда. Сложно. Еще как сложно!

Вообще-то он никогда не затаскивал женщин к себе силой. Или просто потому что у тех не было выбора. Вот как у Али. Обычно женщины сами напрашивались. Не выгонишь еще, не избавишься.

Что всякие актриски, манекенщицы, что красотки из высшего света.

А эта не такая. Ласточка, а не пестрый павлин в позолоте.

Аля воспользовалась замешательством Беркута и убийственно завершила свой монолог.

Вышло похлеще, чем выстрел в упор.

— Слушайте. Я готова вам заплатить. Я готова выполнить ваши условия. Ну не будете же вы держать меня тут, как заложницу? Вы не похожи на извращенца, о которых кино снимают. Которые удерживают у себя женщин... Насилуют, издеваются... А потом убивают...

Последнее слово дернуло нервы Беркута почти с корнем, встряхнуло его всего и до основания. Он аж отклонился и едва не кувыркнулся вместе со стулом.

Мда... Это был настоящий нокаут. У Борислава кровь вскипела в одно мгновение. Знакомый железистый вкус пощекотал язык – Беркут прикусил губу и даже не заметил.

Убивают... Мать твою! Да Беркут любого за нее сам убил бы!

Но как объяснить это женщине, которая едва его знает, видит первый раз в жизни, если он даже себе не может ничего объяснить?

Аля испуганно очертила глазами комнату, словно пыточный подвал какой-то. Явно отлично представила все, что так энергично перечисляла недавно. И аж поежилась, вся передернулась...

Из горла Беркута вырвался нервный смешок с рычанием вперемешку.

Ну да. Он выглядит как похититель, который затащил к себе женщину, чтобы ее иметь. Нет, иметь он совсем даже не против. Даже не так. Очень хочется поиметь ее. И чем быстрее, тем лучше. Ибо то, что творится в паху, уже ни в какие ворота не лезет.

Но не так. Он совсем не хотел, чтобы Аля считала себя пленницей. И, уж тем более, сексуальной рабыней. Разве что понарошку, в качестве ролевой игры.

И уж точно он никогда не посмел бы ее обидеть. Ни за что на свете.

Наоборот! Он доставил бы ЕЙ удовольствие... Наизнанку бы вывернулся, но заставил Алю стонать и выгибаться от

своих ласк...

Ох, зря Беркут об этом подумал!

Он поменял позу, сунул руку в карман, поправился и закинул другую ногу на ногу.

– Не буду, – ответил хрипло. – Держать, как заложницу.

– Тогда, может, вернете мне сотовый? Я вызову такси? И уеду? Готова даже в старой, рваной и мокрой одежде! Только верните ее!

Она произнесла это с таким энтузиазмом и радостью, что у Беркута аж зубы закричали.

А ласточка даже чуть поерзала на диване, словно уже собиралась рвать когти.

Разминалась, как бегунья перед стартом.

Беркут посмотрел на графин с соком, думая, как же хочется садануть им в стену. А потом, вдогонку отправить и столик. И, наверное, еще стул.

Но вместо этого встал, налил себе еще апельсинового нектара и проглотил, почти не чувствуя вкуса.

– Как на счет признательности за то, что я вас вчера выручил? Я не заслужил? – он не сдержался – посмотрел на Алю так, как хотелось. Обвел взглядом ее изящную и одновременно очень даже соблазнительную фигурку. Ладную такую. Прямо как надо.

Ласточка настороженно вжалась в спинку дивана. Нарастающий голод по ее телу, видимо, настолько хорошо читался во взгляде Беркута, что скрещенные ноги уже ничего не

скрывали. Напротив, Аля мазнула взглядом по ним – снизу – вверх. И Беркут зачем-то, оставив стакан, сложил руки в области паха. Будто прикрывал все то, что пугало ласточку.

Прикрывал, мать твою! На чистых инстинктах, не думая.
– Так что на счет благодарности?

Он видел, что загоняет ее в угол. И фигурально, и буквально.

Ласточка еще сильнее сгруппировалась, подобралась, словно готовилась к обороне. Но слова вырывались из рта сами. Беркут почти их не контролировал. Как, собственно, и свои желания, и свое тело, и свои эмоции.

И тут Аля издала слабый, нервный смешок. Он прошелся по нервам Беркута мощным разрядом, ударив по самому больному. И следом – вдогонку – пришел хук ее ответа.

– И что же вы хотите? Орден? Или то же, что и те уроды? Только другим, более изящным способом? Менее варварским, на ваш взгляд, видимо!

Беркуту почему-то ужасно не нравилось, что она сводит все к одному. Хотя это одно не выходило у него из головы со вчерашнего вечера. С момента, когда увидел ее.

Даже не думал, что такое бывает. Поймал взглядом женщину – и все, все мысли крутятся вокруг одного. Поиметь ее. Наверное, так зверь выбирает себе самку. Гонится за ней в жару и в стужу, сбивая ноги в кровь и голодая. Лишь бы настигнуть и сделать своей парой.

Беркут даже слегка усмехнулся. И ласточка вздрогнула,

будто он в нее выстрелил.

Твою мать! Как же убедить ее расслабиться?!

Беркут еще никогда так отчаянно не старался чего-то добиться. Возможно, с момента, когда пытался вылечить мать от рака. Когда буквально из кожи вон лез. На все был готов.

Работать с утра до ночи, не спать, не есть, не отдыхать.

Лишь бы все получилось...

И вот тебе на! Новость!

Оставить у себя в гостях Алю и спасти мать – разве это одно и то же?

Так почему он чувствует одинаково?

Беркут прочистил горло и попытался зайти с другой стороны.

– Аля. Как вы смотрите на то, чтобы в качестве благодарности мне за спасение вас и вашей подруги, а также доставки ее домой, погостить у меня несколько дней?

Сам не понимал – что несет.

Но слова вылетали легко – словно готовился и репетировал.

Аля нервно поерзала на диване и осторожно так уточнила:

– Что значит «в качестве благодарности»? И что значит «погостить»?

– Просто пожить тут несколько дней. Как в санатории. Без любых обязательств и правил. В качестве признательности за мою помощь. Разве я не заслужил ее?

Она изогнула красивые брови, сглотнула. На секунду за-

тихла, словно что-то там решала в своей маленькой прелестной головке. Вдруг вскинула взгляд на Беркута и выпалила с таким видом...

Так идут в последнюю атаку солдаты, когда уже не надеются выжить...

– Зачем? Что вам от меня нужно? Да говорите уже! Хватить ходить вокруг да около! Вы все время уходите от ответа! Я уже раз сто вас спросила! Да будьте же мужиком! Скажите, в конце-то концов! Что... вам... от меня... нужно!

Аля чуть подалась вперед, но запал ее быстро иссяк. Ласточка опять забилась в угол дивана.

Массивная фигура Беркута наводила на нее ну просто непонятную панику. Глупую даже!

Разве он не мог поймать ее, спящую? Разве сейчас она смогла бы отбиться от Беркута? Разве она могла бы хотя бы когда-нибудь от него отбиться?

И разве ее крики слышали бы за звуконепроницаемыми окнами и стенами коттеджа?

Так какого же, мать твою, Аля уставилась так, словно он уже, вот прямо сейчас ее насилует?

Зачем он ей предлагал то, что предлагал?

Действительно, зачем?!

Потому что заграбастал ее и не может выпустить из лап?

Да, так и есть! Беркут еще никогда в чем-то так болезненно, так бесконтрольно, так отчаянно не нуждался. Ни в ком и ни в чем. Так, как в этой незнакомой, совершенно чужой

ему женщине. На которую хотелось смотреть. С которой хотелось разговаривать. Которую хотелось на руки...

И которую так хотелось... Словно совсем изголодался по женскому обществу.

Мда. Неандерталец ты, Беркут «все под контролем». Дикий, ненормальный неандерталец. Схватил женщину, затащил к себе в пещеру и хоть привязывай. Отпустить не можешь. Как та макака, что схватила апельсин, спрятанный в дупло, и попала в лапы охотника, потому что отказаться от добычи уже не в силах. Так и сидит с застрявшей в дупле пятерней. Пока не получит хорошенько по башке. Или того хуже – пулю в сердце.

Свою пулю Беркут, похоже, уже получил. Прямо в сердце, ни больше, ни меньше.

* * *

Аля

Я боялась его. Боялась до колик. До ощущения, что внутри все сжалось и окаменело. До ледяного пота на руках и ногах, которые хотелось растирать и греть. Меня то и дело прошибал озноб.

И вроде бы ничего такого Беркут не делал. Даже напротив, он говорил и действовал вполне дружелюбно, не проявлял ни малейшей агрессии.

Больше того! Он вообще не делал резких движений.

Но я не понимала, что собирается предпринять этот мужчина. Не понимала ЕГО.

И от этого становилось гораздо страшнее, чем в момент, когда мужики возле трассы отчетливо показали – чего хотят от меня.

Воистину! Самое страшное – неизвестность! Когда опасность уже обозначена, ты можешь решать, как с ней бороться. А что можно сделать, если понятия не имеешь, каким боком повернутся к тебе события?

В голове вертелись серии из криминальной мыльной оперы. Как извращенцы запирали у себя женщин. Удерживали, постоянно насильничали.

А потом трупы этих несчастных находили где-нибудь в стенах дома, на участке или где-то еще...

Беркут не походил на них. Не понимаю уж почему. Я ведь его даже не знала.

Да и кто из нас видел этих преступников? Кто знает на кого они должны быть похожи? Разве не все они выглядят как добропорядочные, может даже добросердечные граждане?

А потом Беркут предложил пожить у него. С комфортом и даже с роскошью.

Предложил. Но, тем не менее, не вернул мне одежду и не отдал мобильник. То есть это было бы не совсем добровольное решение. Скорее под давлением обстоятельств. Жирных и очевидных.

По факту – выбора мне не оставили.

Лишь красиво оформили собственное решение. В отношении меня! Свободной женщины!

Боже! О чем он вообще думал? Как мог даже предположить, что я, не имея ни средства связи с близкими и родными, ни даже одежды, чтобы уйти отсюда куда хочется, еще стану на что-то соглашаться? Нет! Определенно этот мужчина и его измышления непостижимы! Недоступны нормальному человеку!

– Зачем мне у вас жить? – повторила я свой вопрос, чеканя каждое слово. Потому что Беркут выглядел так, будто сам не понимал – зачем именно.

Нет, ну правда! Он смотрел на меня совершенно однозначно. С конкретным желанием и намерением. И при этом абсолютно растерянно.

Беркут не отвечал. Изучал графин с соком так, словно тот ему злейший враг. Я посмотрела на свой невыпитый бокал. Отставила его на ручку дивана, достаточно объемную и плоскую, чтобы ничего не пролилось на палас. Чистить такой, наверное, очень дорогое удовольствие. Тут мне уже вовек не расплатиться.

Складывалось ощущение, что Беркут и сам не может решить, что со мной делать. Поэтому я решила воспользоваться ситуацией. Ковать железо пока горячо.

– Слушайте. Давайте я вызову такси. Уеду домой и немного очухаюсь. Ну правда! Ночка была та еще! Вы же сами это

прекрасно знаете! А потом я подумаю над вашим предложением? А? Ну не будете же вы держать меня здесь в плену? Как те маньяки-извращенцы из криминальной хроники?

Беркут рубанул рукой по воздуху, словно рубил мясо. Затем встал и прошелся по комнате. Остановился напротив, сверля меня привычным парализующим взглядом.

Помолчал еще. Прищурился. Прокашлялся с уже знакомой мне хрипотцой и, вскинув бровь, уточнил:

– То есть бассейн, вино, вкусный завтрак и отдых в моем лесу не вариант?

Я решительно мотнула головой.

– Ну должны же вы понимать, как все это выглядит!

– Да, мать твою! Понимаю! – прорычал он. И заметив, что я пытаюсь слиться с фоном, резко сменил тон на более нейтральный: – Бесплезно вызывать сюда такси. Это закрытый поселок. Ни одно такси не проедет через пункт охраны.

Да. Я слышала про этот закрытый поселок, где живут богатеишие люди города. А то и страны. И где просто так землю не купишь, даже если ворочаешь миллионами. Нужно еще иметь определенные связи... Попасть в определенные круги общества...

Потому, что когда-то здесь располагался заповедник. И земля, и лесные угодыя были самыми чистыми, самыми нетронутыми цивилизацией, нежели где-то еще.

А потом верхушка КГБ как-то отжала себе кусок этих самых «нетронутых» земель...

Чекисты остались в прошлом, переселились в учебники истории. А новые хозяева жизни, страны, ее земель и вод, немедленно воспользовались экологически чистым кусочком пригорода.

Теперь я убеждалась еще больше, насколько же Беркут непрост.

И для меня это ничего не упрощало. Я поковырялась в себе, пытаюсь нарыть еще хоть небольшие, но крохи смелости. Может даже дерзости. В конце концов, терять мне было уже нечего.

Я была загнана в угол. А в этом состоянии инстинкт самосохранения порой отдает бразды правления ярости и злости.

Именно так со мной и случилось. Оцепенение, какая-то внутренняя паника, которая глушила все порывы и резкие жесты, во избежание... спали с меня в одно мгновение. Адреналин оглушил так, что в ушах загудело.

Я поднялась, кутаясь в простынь, и произнесла достаточно громко, пожалуй, даже прикрикнула:

– Я вам не игрушка для богатого развращенного самца! Я – свободная женщина! И если я вам благодарна, это еще не значит, что в порыве этого чувства я стану вашей бесплатной подстилкой! Если уж вам так нейдет, настолько приспичило, вызовите элитную проститутку!

Беркут резко подался вперед, сжал кулаки до побелевших костяшек.

Я отшатнулась и завалилась на диван, в ужасе глядя на

мужчину.

Казалось – еще секунда – и он набросится. Не знаю с какой целью: поколотить или поймать.

Но набросится точно.

Глаза Беркута сверкали ярче ночных фонарей. На лице застыло странное, пугающее выражение. Смесь досады и боли. Очень сильная, гремучая, взрывная. Тело Беркута настолько окаменело, что каждый мускул вздулся бугром, и синяя сетка вен проступила на мощных руках и шее.

Он так сцепил зубы, что скулы очертили лицо жесткими линиями, добавляя ему хищности и даже свирепости.

Я как упала на диван, так и лежала. Боялась даже слегка шевельнуться.

Только моргала и смотрела на Беркута. Который почти занес ногу для шага и вдруг остановился как вкопанный.

Еще какие-то мгновения, когда вся жизнь пробежала у меня перед глазами, он просто стоял и смотрел.

Я видела, как на шее Беркута бьется жилка и хотела провалиться сквозь пол. Выпрыгнуть в окно. Да куда угодно деться от него и его взгляда. Его власти. Его силы. Которым мне сейчас нечего было противопоставить. Кроме жалкой мольбы о пощаде...

Я перепугалась так, что чувствовала пульс даже где-то в районе солнечного сплетения. Меня буквально скрутило холодной волной мурашек. Желудок намертво прилип к позвоночнику.

– Да... – Беркут очень грязно выругался и вдруг стремительно рванул к двери из комнаты, попутно разрубая воздух мощными махами рук.

Я уже боялась, что меня просто запрут. Вскочила, метнулась за Беркутом. В каком-то едином порыве. Презрев страх, нерешительность и панику. Даже не пытаюсь прикинуть – что планирую делать дальше. Драться с громадным, спортивным мужиком? За возможность выйти из двери?

Отличное решение, ничего не попишешь!

Даже не знаю, чего я сейчас больше страшилась – того что он уйдет, заперев меня здесь или того что останется...

Однако Беркут неожиданно притормозил, и я с трудом остановилась, чтобы не впечататься в его мощный торс.

Шарахнулась в сторону. Потому что приближаться к нему после последней сцены уже не рисковала.

Беркут вдруг сосредоточился прямо на моей груди. Несколько секунд, показавшихся мне вечностью, мужчина молчал и только пялился. При этом взгляд его был влажным и мутным. Совершенно лишенным связности мысли.

Затем Беркут вдруг посмотрел мне в лицо так, словно я его подстрелила. И он сам поражается, как так вышло. Вроде бы надел бронежилет, прикрылся щитом – и на тебе... Пуля в самом чувствительном месте.

Я отшатнулась. Мужчина криво усмехнулся, обнажая белоснежные, ровные зубы – страшный сон любого стоматолога.

– Сейчас тебе принесут новые вещи. Оденешься. Позво-
нишь по быстрому набору моему водителю и тот отвезет те-
бя домой.

Беркут цедил слова. Медленно, как будто каждое выдав-
ливал из себя ценой невероятных усилий. Словно каждое
ему дорогого стоило... Однако говорил уже без прежнего на-
жима, без прежнего давления и раздражения.

– Эм... У меня же нет телефона...

Я отступила еще на шаг. Беркут снова оскалился в ка-
кой-то неприятной, болезненной улыбке. Словно он умира-
ет и пытается не подать виду. Нет, ну правда. Так все и вы-
глядело.

– Стой тут! – скомандовал он и я инстинктивно замерла
как вкопанная.

Потому, что чувствовала – мужчина на грани. Почему и
на какой именно, я не понимала. И, честно говоря, понимать
не хотела. Я лишь хотела, чтобы все закончилось.

Беркут выскочил из комнаты, словно я метала в него дро-
тики или палила из автомата не переставая. И не успела я
задаться вопросом – что теперь делать и как быть – как на
пороге появился другой мужчина.

Высокий, жилистый, с черными волосами и серебристой
сединой на висках. Серьезный такой.

Весь в черном. В толстовке и свободных джинсах. В бо-
тинках на толстой рифленой подошве.

– Держите. Мой номер на быстром наборе. Я водитель Бо-

рислава Владимировича. Жду, когда переоденетесь.

С этими словами мужчина, словно заправский волшебник, вытащил из-за спины кулек и бросил его на диван. Туда же полетел и мой смартфон.

После чего «водитель» вышел вон.

Я подошла к кульку, присела на край дивана и с шелестом развернула белесую оберточную бумагу.

Внутри, в запаянном пакете, лежали абсолютно новые кожаные лосины, очень дорогой марки. Я к таким только присматривалась, облизывалась и проходила мимо. В другом оберточном пакете обнаружилась синяя блузка. Длинная, приталенная. Очень красивая. Судя по бирке, из ограниченной коллекции. В самом низу лежало белье.

Хлопковое, точь-в-точь, как мое. Только совершенно новое и пахнущее так, будто его еще и тщательно выстирали.

И не успела я подумать о своих босых ногах, как дверь щелкнула и возле нее появились кожаные полусапожки на удобном квадратном каблучке.

Черт! Какие же красивые!

Наверное, не стоило принимать подобные дорогие подарки. Кто знает, какой «благодарности» попросит за них Беркут. Я уже успела убедиться, что представления о благодарности у нас с ним разительно отличаются...

Но не ехать же домой голой? Или босиком?

Это было бы уже слишком.

Я оделась довольно быстро. Нервозность нынешнего утра

подгоняла, не позволяя расслабиться и действовать спокойно.

Вещи словно шили прямо на меня. Сидели они как влитые.

Ткань приятно прилегала к коже. Я получала истинное удовольствие от того, что просто ношу эту одежду.

Ну еще бы! При такой цене вещи должны еще и песни петь и анекдоты травить.

В моем смартфоне, на быстром наборе, и правда, обнаружился телефон под кодовым названием «водитель Беркута». А еще чуть ниже и сам «Беркут» значился над цифрами длинного номера.

Стоило мне набрать «водителя», как тот вошел в комнату, будто дежурил под дверью.

Потом мы спустились на первый этаж огромного особняка.

Беркута нигде не было видно. И я даже не знала – радоваться этому или же огорчаться.

Странные контрастные ощущения охватили все мое существо. Даже почему-то стало досадно, что Беркут меня не провожает. Хотя бы взглядом, хотя бы издалека.

Однако мы вышли из дома, сели в громадный синий внедорожник и уже спустя несколько минут летели по трассе.

Глава 3

Беркут

Он и сам не мог понять – на что рассчитывал. О чем думал, когда предлагал Але остаться, поплавать в бассейне и погулять в лесу. Женщина его совершенно не знает. Не понимает – чего он хочет от нее, чего добивается. А одно желание буквально выпирает из его штанов. И это после того как те ублюдки едва не изнасиловали ЕГО ласточку.

С чего Беркут вдруг подумал, что она согласится?

Он не знал.

Правда, не знал.

Но почему-то ждал ее полного согласия. Даже не так – жаждал ее согласия. Так, как давно не жаждал выгодных контрактов или безоговорочной победы над конкурентами. Так, как, наверное, жаждал лишь одного – выжить в той жуткой аварии на трассе...

Когда кнут высоковольтного провода хлестал по всем, кто попадался у него на пути.

Однако Аля охладила пыл Беркута. Вернула ему понимание реальности. И четко дала понять – как выглядят его действия.

Как действия извращенца, который запер у себя женщину, чтобы иметь, иметь и еще раз иметь.

Нет. Не так он хотел с ней общаться. Совсем не так.

И от одного этого предположения, да нет – обвинения – высказанного так, словно Аля уже ничего не боится – все ставит на карту, чтобы спасти себя от ужасного насильника, у Беркута совсем поехала крыша. Отказали тормоза. Слетел к чертям собачьим весь самоконтроль.

Какие-то минуты он боролся с собой. А это выходило гораздо хуже, чем бороться с теми ублюдками, что пытались поймать ласточку.

Кровь ударила в голову, аж перед глазами все на минуту поплыло и черные мушки заплясали уродливый танец. В ушах загрохотал пульс. Почтище какого-нибудь барабанщика из группы, что играет тяжелый рок или металл.

Беркут так весь напрягся, что некоторые мышцы свело спазмами.

При этом ласточка крайне удачно опрокинулась на диван. В складках простыни мелькнуло то самое место... Красивый, яркий цветок: нежный, манящий.

И вся кровь Беркута, только что хлынувшая в голову, тотчас ухнула совершенно в другое место. Под ложечкой мгновенно растекся жар, ударил в пах горячей волной.

Глаза ласточки расширились. Она обняла себя руками, кажется, даже не осознавая. Инстинктивно сгруппировалась.

Беркут не собирался на нее нападать. Он даже сам не знал – что собирается сделать.

Просто эмоции вдруг так накрыли...

Казалось, воздух наполнился иголками, колол кожу и грудь, как во время мороза. И одновременно обжигал.

А взгляд ласточки, действительно, вымораживал. Или это Беркут вымораживал Алю?

Все перепуталось, потому что мир Беркута вдруг схлопнулся до масштабов одной комнаты, где находилась сейчас эта женщина. Даже не так – его мир схлопнулся вокруг ласточки. И одновременно она наполнила его новыми красками, ощущениями, впечатлениями. Правда, сейчас они были не самыми приятными и уж совсем не обнадеживали. Рождали какие-то дикие мысли, порывы.

Тело само просилось к ласточке. В голове крутились безумные фантазии. Схватить ее, встряхнуть, заставить успокоиться. Прижать к стене, чтобы прекратила ежиться, будто он планирует что-то ужасное.

Заставить, вынудить, наконец-то, понять его. Понять, что ему просто сложно ее отпустить. Не потому, что у него какие-то извращенные планы. А потому, что в ней заключен сегодняшний его день...

Беркут вдруг ощутил, что еще минута – и инстинкты возьмут свое.

Поэтому он и сбежал.

Чтобы не думать о том, как же отчаянно-сложно принять, что она все-таки уезжает. Не пытаться найти новые аргументы. Которых решительно не хватало. Потому, что они ничего не стоили в глазах ласточки, а значит – и в глазах Беркута.

Сбежал.

Чтобы не видеть ее тела: белого, соблазнительного до одури, прямо до эротических снов наяву.

Он неотрывно следил за тем, как удаляется машина и вместе с ней Аля.

И думал о том, что теперь делать.

Потому, что, если бы усиленно не размышлял на эту тему, наверное, уже вырвал бы подоконник с корнем. Кулаки Беркута дубасили по пуленепробиваемому стеклу окна, подоконнику, а он почти не замечал этого. Даже когда по стеклу поползли бордовые полосы, и то не особо обратил внимание...

Все его мысли, порывы были заняты совсем другим.

Он не мог отпустить ласточку насовсем.

Почему? Осмыслить пока не получалось. Просто Беркут отчетливо, до глухого биения сердца в груди и шума в висках понимал – нужно ее вернуть.

Именно поэтому Борислав, скрепя сердце, стиснув зубы отправил с Алей своего водителя. Он чувствовал, что сам, своими же руками не сможет увезти ласточку отсюда.

По факту – отказаться от нее. Хотя бы на время, пусть и ненадолго.

У него не хватало сил.

Мать твою! Он рисковал жизнью сотни раз! Когда только начал становиться на ноги, открыл свое охранное агентство, Беркут миллионы раз сам участвовал в операциях. Даже ко-

гда точно не знал – пострадает ли. Даже когда не был уверен, что шальная пуля или шальной взрыв не поставят точку в его карьере и жизни. Он шел на эти дела спокойно. Без особенного панического надрыва и без ощущения «боже, что будет».

А вот теперь спасовал. Впервые в жизни! Впервые!

Спасовал, испугался, не смог заставить себя сделать то, что считал правильным.

Нет! Нужно ее вернуть! И как можно быстрее...

Потому, что ну как... как он без нее?

Вот только тут потребуется план получше, чем тупо затащить женщину к себе домой и не выпускать ни под каким предлогом. Не тот случай и совсем не та женщина. Да и не те времена уже, чтобы мужик тащил женщину к себе в пещеру. А там – стерпится слюбится.

Да и сам Беркут вроде бы не такой. Хотя уверенность в этом здорово пошатнулась.

В последние часы, да нет – с прошлого вечера Борислав сам себя перестал узнавать.

Он всегда предпочитал свободолюбивых и диких калибры. А не домашних курочек, готовых высиживать птенцов и ласково щебетать на ухо – какой же он замечательный. Хотя о птенцах он пока даже и не думал.

Так, иной раз прикидывал на досуге.

Беркута заводили гордые, самодостаточные женщины. Которые будто альфа-самки никого к себе не подпустят. Тем

интересней было кружить вокруг них хищником. Завоевывать, смотреть как ломаются бастионы. И потом уже сама женщина перекидывает через ров недоверия, отстраненности, страха перед слишком близкими отношениями надежный мостик понимания. Ведь именно для этого и нужны все препоны: бастионы самостоятельности, рвы недоступности. Чтобы однажды преодолел их самый достойный. Беркуту нравилось преодолевать. И он даже не думал, что после... Когда уставал от очередной женщины и сам рушил мосты, рубил последние канаты отношений.

И уходил.

Он всегда уходил молча. Оставлял женщине деньги на счету – несколько сотен тысяч, чаще всего. Порой и миллион. В качестве морального ущерба. И женщины понимали.

Спустя какое-то время даже учились общаться с ним без негатива, злости или надрыва. Во всяком случае, внешних. Те женщины, с которыми он сталкивался по работе или в светских кругах.

И вот же оказывается какой он домостроевец и вообще психованный неандерталец. Дремучий. Подверженный каким-то совершенно диким инстинктам.

Забрать, запереть, оставить себе.

Разве мог представить Беркут, что однажды даже в мыслях совместит эти глаголы с женским именем?

Машина потерялась из виду, скрывшись за линией горизонта. И Беркут вдруг ощутил, как же ему чего-то не хватает.

До саднящей боли меж ребер, до ощущения нехватки воздуха, нехватки пространства. Нехватки всего и сразу.

Вдруг очень кстати вспомнился недавний разговор с соседом – Радифом Заглятдиновым. Счастливым семьянином, который в прошлом гусарил почище самого Беркута.

«Разве тебя не душит, не лишает воздуха эта ванильная семейная идиллия?» – спросил тогда Беркут у Радифа. Искренне интересовался. Не понимал. Ну совсем не «въезжал» в ситуацию.

«Ничего ты еще не понимаешь! Зеленый!» – беззлобно хохотнул Заглятдинов: – «Жена – мой воздух».

Все сказал. И больше ничего не прибавил.

А Беркуту почему-то впечаталась в мозг эта короткая фраза. И теперь вдруг всплыла в памяти. Стала гораздо более актуальной, чем прежде.

Хотя само слово «семья» Беркут еще не применял к ласточке.

Но ощущение «она уезжает» было именно сродни лишению кислорода. Аля стала воздухом Беркута. И поэтому она была так нужна...

Она стала его дыханием...

Независимая и самодостаточная, недоверчивая и чужая. И при этом его собственная. До странной, ноющей боли в груди и спертого дыхания, когда приходилось глотать воздух мелкими порциями. Так теплой водой смачивают саднящее ангиной горло.

Беркут смотрел на то место, где пропала его машина с Алей и не мог отойти от окна.

Прислонился лбом к прохладному стеклу и дышал. Дышал. Дышал.

Но побороть ощущение не выходило.

До этой минуты Беркут считал, что плохо ему было, когда ласточка возмущалась, обвиняла. Намекала, что он извращенец, насильник и еще бог знает кто.

Но нет! Тогда ему было хорошо. А плохо стало теперь... Вот теперь он понял – что значит «плохо»...

Поэтому Беркут спустился вниз и стремительно вышел из дома.

Раннее утро пахло росой. Где-то вдалеке небо выплакалось дождем и слабый ветерок приносил влажную свежесть.

Солнце и нагнетающийся в воздухе жар обещали погожий летний день.

В воздухе пахло прогретой хвоей, липовым цветом и медовым нектаром цветов.

С небольшого искусственного водоема, который Беркут соорудил в лесу, тянуло камышами и кувшинками.

Тепло, светло и мухи не кусают.

Почему же у Беркута так муторно на душе?

Аж хочется зарычать, вырубить лес или что-то разбить.

А потом, всю ночь выть на Луну...

Аля

Наверное, после всего случившегося, меня уже ничего не удивляло. «Удивлялка» перегрелась и отключилась на время.

Поэтому даже Ирина, которая после вчерашнего «улетного вечера» дежурила возле моего забора, с двумя банками соленых огурцов, уже не вызвала особых эмоций.

Как ни странно, в доме Беркута я прекрасно выпалась. Хотя и проснулась чуть свет. На часах машины, которая доставила меня точно к моему забору, значилось 7:12 по Москве.

Ирина переминалась с ноги на ногу, стучалась в калитку и оглядывалась. Словно считала, что я пошла прогуляться в такой час. Да еще и после ночных приключений.

Ну да. Чего только не померещится с похмелья-то. Другая вообще сейчас лежала бы пластом и по-пластунски ползала за рассолом на кухню. Но это было совсем не про Ирину.

Кроссовер Беркута подруга восприняла примерно также, как крокодила, который подошел и попросил закурить, при этом изящно поправляя воротник смокинга с бабочкой.

Уставилась, не моргая, застыла соляным столбом, обнаружив меня рядом с водителем черной громадины.

Когда я вылезла из внедорожника, Ирина присвистнула, беззастенчиво оглядев машину и оценив ее наметанным взглядом.

Подруга работала главным бухгалтером в одном крупном фирменном автосервисе. Так что стоимость подобной иномарки представляла значительно лучше меня.

Мне стало неловко, что Ирина так откровенно реагирует на кроссовер Беркута. Я покосилась на водителя. Но тот выглядел так, словно ему глубоко фиолетово.

Поэтому я быстро бросила:

– Спасибо.

И торопливо закрыла дверцу машины.

Пусть что хочет то и думает. В конце концов, я его больше не увижу.

Кажется, в последнее время это стало моей мантрой для общения со всеми, кто связан с Беркутом. И, как и предыдущие мантры, эта оказалась бессмысленной.

Следующий свист Ирины относился к моему новому прикиду.

Вместо объяснений я открыла калитку и жестом пригласила подругу внутрь...

...– Я больше никогда не буду пить! – громко заявила Ирина, со звоном ставя банки с огурцами на мой кухонный стол.

Я кивнула. Свежо предание, но верится с трудом. Я эту клятву уже наизусть выучила.

Как и сопровождающий ее аккомпанемент. Шумную встречу банок с соленостями и моего стола. Плавали, знаем.

– Чайник поставь, – то ли попросила, то ли скомандовала – сама не поняла. Однако подруга резво взялась за дело, как будто еще вчера не лежала бревном.

А я поднялась на второй этаж дома. Сняла брендовые вещи, переоделась в домашние лосины с футболкой и спустилась вниз, размышляя – как вернуть Беркуту новую одежду.

Ну ладно, белье уже никуда не пристроишь. В магазинах всегда пишут «белье возврату и обмену не подлежит». А вот блузку и лосины вполне можно вернуть в бутики. Под предлогом, что не подошли. Я даже бирки не срезала. Да и нечем было. В комнате, где я проснулась после удачной поездки с Беркутом, было все, кроме ножниц. Видимо, мужик опасался, что я, на радостях, могу что-нибудь ему отчекрыжить.

Про ботинки уже не говорю. Они, наверное, стоят тысяч сто или больше.

Жаль, что на них бирок не осталось. Тут Беркут или его водитель расстарались.

После ухода подруги и моего прихода в себя, посмотрю в интернете. Такая обувь точно представлена на разных модных сайтах.

Заодно выясню – кто такой Беркут. Уж явно он не простой богатенький бизнесмен. Что-то такое было в этом мужчине. Даже не знаю. Хищное, сильное, властное.

Пока мы пикировались нынешним утром, складывалось

впечатление, что ему дико непривычно общаться на равных. Без приказов и объяснений, что делать. И еще Беркуту страшно непривычно объяснять – почему и что он предпринял. Его прямо ломало на этих вопросах. Он будто никогда раньше не пытался аргументировать собственное решение или распоряжение. Поэтому и возникла проблема со мной.

Хотя, возможно, все дело в другом. В том, что еще никому не пришло в голову спросить у Беркута – зачем он что-то делает. Захотел – сделал. И вся недолга.

Это тоже очень даже подходило в моем представлении к образу Беркута.

Даже не знаю почему, но этот мужчина не выходил у меня из головы. Хотя еще недавно я считала его насильником и убийцей. Даже прикидывала, в каком месте своего куска леса Беркут закапывает трупы женщин, которых держит у себя в качестве сексуальных рабынь.

Ирина уже собрала на стол и с удовольствием хрустела огурцом.

Меня встретили бутерброды с колбасой, яичница с кетчупом и вопросительный взгляд подруги, который буквально преследовал, прожигал насквозь.

– Ну и? – уточнила она, словно уже задала вопрос и ждала моего ответа слишком долго, чтобы успеть потерять терпение.

– Что «и»? – осторожно поинтересовалась я.

Я понятия не имела, что вообще помнит подруга из вче-

рашнего вечера и о чем она спрашивает, так загадочно улыбаясь. Жмурясь от удовольствия, что поглощает домашние малосольные огурчики.

Я тоже взяла себе один. Хорошие. Не переперченные, не пересоленные. Хрустящие, сочные.

Мама Ирины сама делала. Я не впервые лакомилась этими разносолами после очередного «расслабления» с подружкой. Но в таком состоянии, как вчера, я Ирину еще ни разу не видела.

– Эм... – она подперла голову рукой. – Я помню, что нас подвозил шикарный мужик. И, судя по тому, что вернулась ты под утро, в самой шикарной тачке, что я видела, он тебя подвез несколько позже, чем меня. И определенно не домой. Так колись! Ты, походу, неплохо провела время. Пока я отсыпалась после излишков спиртосодержащих напитков...

Ясно. Хит вечера под длинным названием «изнасилуй глупую подружку Ирины, которая рискнула провести с ней вечер в загородном ночном клубе» приятельница как раз и не запомнила. Хорошо ей. Я бы тоже так хотела.

Я решила рубить правду матку. Чтобы Ирина впредь не придумывала столь опрометчивые планы «расслабиться», которые превращаются в расслабление за наш счет кого-то другого.

Посерьезнела, отложила огурец и глотнула чаю, чтобы промочить горло.

– Смотрю, самое интересное ты пропустила между сном и

пробуждением от пьяного угара, – обозначила я дальнейшее течение беседы.

Ирина подняла брови и, подвигав ими, уточнила:

– А, что, было еще и «интересное»?

Она явно намекала не на то, о чем я говорила. И почему-то я сразу поняла, что имелся в виду Беркут. А еще я поняла, что картинки, что прокрутились в голове благодаря подруге, меня больше вовсе не вымораживают. Напротив, мне до смущения и жара в теле приятно думать о том, что... Это самое интересное могло случиться между мной и Беркутом. А еще вспоминать, как он отреагировал, когда разглядывал меня в простыне.

Поистине женское сердце понять нельзя. Как, впрочем, и женскую логику.

У меня были все возможности сейчас нежиться в бассейне Беркута. А еще использовать все те «удобства», которые он мне предложил с барского плеча.

Но я уехала, и теперь пью чай с солеными огурцами, чтобы думать о том, от чего отказалась.

Впрочем, случись все заново, я повела бы себя в точности также.

Я боялась Беркута. И даже сейчас время от времени от воспоминаний о нем холодок спускался по спине. Хотелось поежиться и спрятаться где-нибудь в укромном уголке дома.

Я не понимала – чего хочет от меня этот мужчина. Не в плане совершенно конкретного нижепоясного желания, а в

глобальном, так сказать, жизненном смысле. Ведь для обычного переписки женщин к себе домой не тащат. Не моют, не переодевают и не пытаются убедить остаться «расслабиться». Для переписки достаточно просто заехать с женщиной в гостиницу и там как следует отыметь ее.

Действия Беркута буквально не поддавались моему пониманию. Примерно так, как не поддается ножницам стальной лист. Сколько ни стараешься, одни мозоли натрешь.

Кажется, в моем мозгу уже появилась не одна мозоль после попыток разгадать Беркута...

И сейчас ничего не изменилось.

Я воззрилась на Ирину сурово, насколько могла и начала летопись злоключений вчерашнего вечера.

– Вчера ты почти вырубилась, и с моей помощью пошла ловить такси на трассу. Потому, что ехать к ночному клубу они отказались.

– Хм... Это я помню, – почесала затылок подруга. – А потом помню шикарную тачку и шикарного мужика в придачу. Еще какого! – она вскинула глаза к потолку.

– Вот только ты не помнишь самого интересного! – я начинала немного злиться. Потому, что восторженные воспоминания подруги реально уже здорово подбешивали. Ну да, она лежала в канаве, видела сны, а я... – Между «пошли поймать такси» и «шикарным мужиком на шикарной тачке» были еще трое шикарных мужиков.

– Трое? Ммм... Мы были в ударе? – похмелье явно не поз-

воляло Ирине трезво оценить то, на что я ей намекала. Поэтому я рубанула правду-матку так, чтобы у нее уже и мысли не оставалось, что вчера случилось нечто хорошее.

– Да! Мы были настолько в ударе, что ко мне пристали три мужика. Повалили и почти изнасиловали! Разорвали одежду и почти вставили то, что плохо торчит, туда, где его совершенно не ждали!

Я выпалила это на едином дыхании. Подруга поперхнулась огурцом, закашлялась и налила себе еще чаю.

А затем посмотрела со смесью вины и недоверия.

– Ты серьезно?

– Более чем! Если бы мои драные лосины еще не выкинули, уверена, в ультрафиолете там светилось бы очень много любопытного...

– Так эти... сволочи... тебя не...

Ирина запнулась и, отложив огурец в тарелку, воззрилась на меня уже не мигая. В ее взгляде мелькала смесь вины и досады. Брови забавно сложились домиком. Губы поджались.

Ну это уже хотя бы что-то. Вместо бравых и радостных «Оу! Мы были в ударе!» «Мы оторвались вчера на полную катушку!»

– Нет. Потому что явился тот шикарный мужик.

– Мм... – подруга откинулась на спинку стула, взяла свой огурчик и уже намеревалась порадоваться. Когда я решила обрубить ей эту функцию на корню. Настолько злило, что все неприятное вчера пережила только я. А Ирина даже особого

похмелья не испытывает. Я знала, что она не сильно страдает этим делом после того, как наберется по самые брови. Да и так накачивалась подруга нечасто. Просто вчера у нас обоих был железный повод... И этого не отнять.

Но жутко хотелось стереть эту ухмылку с лица Ирины.

– И если ты думаешь, что вчерашние мои приключения завершились спасением от насильников, спешу тебя разочаровать! Это было только начало. Можно даже сказать – прелюдия!

Ирина проглотила огурец и замерла, сверля меня внимательным взглядом.

Нервно сжала чашку рукой и какое-то время просто молчала. Видимо, уже боялась задавать наводящие вопросы.

– Ну и? – наконец, встревоженно спросила она, хмурясь. – Нет, правда, я вчера перебрала. Прости, пожалуйста... Сама знаешь... Я получила конкретный вердикт... Я бы даже сказала – приговор... Ну и... Извини, Аля... Не предполагала, что все может так завершиться...

Я отмахнулась, прерывая сбивчивый поток объяснений и извинений. Что случилось, того уже не изменишь.

– Ну так что? Неужели тот шикарный мужик... То есть тот мужик... Эм...

Ирина запнулась и замолчала.

– Там случилось что-то странное... С тем мужиком...

– Странное? – подруга не понимала. Впрочем, я и сама не понимала случившегося, поэтому объяснять было особенно

СЛОЖНО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.